

Сергей Герасимов

Только не ешь бритву

Сергей Герасимов
Только не ешь бритву

«Автор»

Герасимов С. В.

Только не ешь бритву / С. В. Герасимов — «Автор»,

© Герасимов С. В.

© Автор

Содержание

Только не ешь бритву	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Сергей Герасимов

Только не ешь бритву

Вечер и ночь директор Юрич провел в лагере.

Лагерь носил имя «Романтик», как и все подобные места, изобретенные необъятной ширию педагогической мысли. О повышенном романтизме местности сообщала прямоугольная древоплита выцветшего цвета, стоявшая между трех пушистых сосен, – поставленная незаметно, чтобы не слишком часто красить. Плита стеснялась своего имени и оттого год от году кривилась, подгнивая. Под романтическую плиту обычно сметался мелкий мусор – и в трех соснах мусор терялся.

Здесь же ночные чешуекрылые устраивали праздники любви. По ночам воздух гудел от множества мелких крыльев, влюбленная мелочь кружила, воображая себя эльфами или дюймовочками, на худой конец; кружила, сталкивалась, ползла по клейким стволам, прелой хвое и по рубахам худорбрых мальчиков, которые вышли, чтобы осветить летнее таинство сигаретным огоньком.

Лагерь заканчивал последний день работы. Здесь работали только те, кто не отработал повинность за крепкое детское лето. Каждый ученик из тысячи двухсот должен был отработать в свое личное, свободное от учебных кошмаров, время. Если же он не хотел работать, то должен был заплатить деньгами или мелкими полезными предметами. Вениками, например, или зеленой краской. Те ученики, которые не сделали ни первого, ни второго, ни третьего, были искусно пойманы директором Юричем, собраны в лагере и над ними производились полезные для воспитания экзекуции.

Юрич приехал проинспектировать лагерь. Он был немножечко навеселе и деревня, проезжавшая мимо автобуса, покачивалась весело, напевала песни с завалинок, выпускала на дорогу смешных упрямых коров, автобус смеялся и глох мотором, избыточно жизнерадостен. Директор Юрич сидел, насупившись, не допуская к себе веселье местности. Миссия его требовала сосредоточенности души. Он прибыл около четырех часов и примерно до семи спал в личной двухместной палатке с пастовыми надписями на стенах (надписи сообщали кто в кого влюблен, никого не пропуская и порой замахиваясь на обобщения), и во сне же обдумывал, кого наказать за обнаруженные надписи. Руководящий человек ценит свое время, а потому думает и во сне. Проснувшись, он сел и стал ждать доклада.

В стену палатки тихо поскреблись и появилась лаборантка Люся.

– Зайди, – сказал директор Юрич.

Лаборантка Люся вошла и принялась выполнять свои непосредственные обязанности.

– По порядку, пожалуйста.

– Первое, – начала лаборантка Люся и проинформировала.

Ее непосредственными обязанностями было докладывать обо всем, что происходит в лагере. Дело в том, что как лаборантка кабинета биологии она уже давно профессионально умерла. В кабинете биологии даже заложили кирпичом стену, из принципа – там, где была раньше лаборантская комната. Делать лаборантке было все равно нечего, потому что не было лабораторных работ. А лабораторных работ не было из-за отсутствия учебного инвентаря. А инвентаря не было из-за отсутствия финансов. А финансов не было просто так, без причины.

Предпоследний микроскоп дети разобрали в позапрошлом году. Последний Юрич унес к себе домой. На всякий случай, вдруг в хозяйстве пригодится. Еще он смутно помнил, что в детстве мечтал посмотреть в микроскоп. Так и не посмотрел до сих пор.

Итак, непосредственной обязанностью лаборантки были доклады и она отчитывалась регулярно, два раза в неделю. Если случались ЧП, то отчитывалась чаще. Лаборантка имела

лицо, внушающее неограниченное доверие, и большие уши, развившиеся от регулярных тренировок. Ее уши могли двигаться как у лошади. Уши прикрывались пышной прической.

– Хорошо, – сказал Юрич, – я разберусь. И взял на заметку.

У него был блокнот, где он рисовал звездочки – знак твердости и принципиальности. Звездочки уже заполняли пятую страницу блокнота. А на каждой страничке их было триста шестьдесят (18 на 20). Именно столько организационных мероприятий Юрич наметил и исполнил за годы своего демократического правления.

– Дальше.

– Дальше, не могут найти ключ от ящика с инструментом, – продолжила лаборантка.

– Кто виноват?

– Не признаются.

– Я найду. Дальше.

– Дальше Анжела боится сторожить по ночам. Говорит, что слышит шаги.

Юрич нарисовал очередную звездочку. Если слышала, но не донесла – преступление налицо.

– Дальше.

– Принесли зарплату, но не могут досчитаться ста тысяч.

– Дальше.

– Разговаривали о вас, разговаривали невежливо, с обидными словами.

– Кто?

Лаборантка Люся начала перечислять; было заметно, что в процессе общественнополезного труда она развила в себе не только уши, но и феноменальную память.

– Это не столь важно, отложим пока, – сказал утомившийся Юрич. – Дальше.

– Дальше мужчины собрались и пьют.

– Как, просто пьют?

– Нет, играют в карты и пьют.

– И все?

– Рассказывают анекдоты, играют в карты и пьют.

– И все?

– У Короткого две девятки в рукаве.

– Что пьют?

– Водку.

– Свою или общественную?

– Свою.

– Много выпили?

– Только начали.

Юрич поставил звездочку и решил явиться тогда, когда выпьют много. Чтобы преступление было не только налицо, но и на лицах.

– Сколько их? – спросил Юрич.

– Шестеро. Пьют, ругаются и играют в карты.

– А почему седьмого нет?

– Физног отсутствует по непонятной причине.

– Ладно, – ответил Юрич. – Иди и продолжай работать.

Директор Юрич вышел из любвеобильной палатки и начал строить всех в единую линию, чтобы учить маршевому шагу. Дети слушались неохотно и с бестолковинкой, но строй был создан, марш отмарширован с пользой для воспитания; детям было велено разбредаться по палаткам. В воздухе повисла пыль. Закат прижался к горизонту и светил из-за чешуйчатых сосновых стволов. Казалось, что в темно-розовое небо брошена горсть риса – к хорошей погоде, должно быть.

Хотелось кидаться шишками и конфетными бумажками. Было еще светло; дети вбрили в палатки и выбрели из дырок, предусмотрительно прорезанных сзади. Те, кто не прорезывал дыр, пролезал под брезентом и пачкался в песке, на себя же и пеняя.

Кидаясь шишками и конфетными бумажками, дети убредали.

Юрич собрал детей вновь. Построил их в каре и провел воспитательную беседу с целью вразумления и запугивания. Воспитательная беседа была тихой, но жесткой, с называнием имен, прозвищ, оценочных эпитетов, неутешительных выводов и обязательных наказаний, поэтому все стояли напряженно, и серое вечернее небо накрывало каре колпаком. Песок стал цвета цементной пыли, а верхушки сосен сияли и оплывали, как свечи, и ближняя сосна крутила веточкой у виска, намекая на что-то. Особенно напряженно стояли воспитатели, которым должно было влететь пуще всего. На землю опускалась ночь. Чешуекрылые слетались к романтической доске на праздник любви.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.